

Иван Глазунов

Иван Глазунов

БЕЛЫЙ ГОРОД

БЕЛЫЙ ГОРОД

Автор текста
Иван Глазунов

Издательство «Белый город»

Генеральный директор К. Чеченев
Директор издательства А. Астахов
Коммерческий директор Ю. Сергей
Главный редактор Н. Астахова

Корректоры: А. Репин, О. Ситникова
Верстка: О. Чевакина
Сканирование иллюстраций:
И. Вавилочева
Цветокоррекция: А. Курбацкая

ISBN 978-5-7793-1390-2
УДК 75Глазунов(084.1)
ББК 85.143(2)6я6
И18

Лицензия ИД № 04067 от 23 февраля 2001 года

Отпечатано в Италии
Тираж 3 000

Издательство «Белый город»
111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел.: (495) 916-5595, 780-3911, 780-3912,
688-7536, (812) 766-3393
Факс: (495) 916-5595, (812) 766-5806
Сайт издательства: www.belygorod.ru
E-mail: belygorod@mail.ru

По вопросам приобретения книг
по издательским ценам обращайтесь по адресам:
105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская,
д. 49а, корп. 10, стр. 2
Тел.: (495) 780-3911, 780-3912
111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел. (495) 916-5595

© «Белый город», 2007

Иван Глазунов

Современная реальность в условиях такого мегаполиса, как Москва, с приметами глобализации, лишена поэзии. К несчастью, уходит в прошлое индивидуальная атмосфера русской старинной столицы с ее дворами, садами и тихими набережными.

Неужели художнику надо приспособиться к условиям времени и полюбить сетевые супермаркеты, аэропорты, парковочные центры или улицу с банками и жилыми комплексами в стиле хай-тек? Я не могу. Как найти тему, мотив, пейзаж? Писать социальные картины на злобу дня? Это не для меня. Приспособиться к «формату»? Заниматься инсталляциями? — но для этого не обязательно быть художником, и я не могу считать это искусством. Для меня все прекрасное волшебным соткано из воздуха, света, фактуры, формы — из того, что рождает образ. Все, что я люблю, растворяется, исчезает в диком насилии информации, «прогресса», в который я не верю. Это моя личная позиция.

Человечество жило много веков в едином восприятии мира, ощущая его через натуральные звуки природы, не заполненные механическим шумом, остро чувствуя и запоминая смену дня и ночи, ощущая правильный масштаб человека в Божьем мире по отношению к дереву или высокой скале, находясь не на высоте небоскреба, летящего самолета, а сидя верхом на живой лошади. Ведь, если вдуматься, Рафаэль при всей своей гениальности обладал еще и просто другим человеческим восприятием света и цвета. Наше зрение изменилось от электричества, синтетических

красок. Тогда человек по-другому воспринимал красоту и гармонию мира. Из поколения в поколение люди передавали знания о гармонии, оставляя их на холсте, в музыке, поэзии, архитектуре. Последователи перенимали у них, добавляя свое. Возрожденцы ощущали себя в искусстве заодно с художниками античности, а царские иконописцы XVII века чувствовали себя последователями евангелиста Луки. Только XX век устроил террор прошлому, и только в XX веке *Черный квадрат* могли объявить вершиной понимания мира.

К счастью, в России, при ее огромных расстояниях, с богатой поэзией народного творчества, прекрасной классической литературой, необыкновенными пейзажами, еще можно напиться и утешиться тем же чувством, которое я испытывал в детст-

Иван Глазунов. 2007

ве, когда передо мною мать раскрывала, как нечто особенно драгоценное, сказки с иллюстрациями Билибина.

У каждого человека была в жизни особенная минута, с которой он начинает помнить себя. Я не могу с точностью сказать, сколько мне было лет, но все, что было до той минуты в моей жизни, для меня туман... Полное сознание пришло ко мне после того, как я его потерял, свалившись с высокой винтовой лестницы в знаменитой мастерской моего отца в Калашном переулке. Помню, открыв глаза, увидел склонившиеся над мной испуганные лица родителей. Почувствовал, как я им дорог, а они мне. В тот же момент впервые рассмотрел, где я живу. Голова закружилась. И я еще раз, уже мысленно,

С мамой, Ниной Виноградовой-Бенуа

пролетел то же расстояние, но только очень медленно, созерцая лики святых, мерцающие оклады икон, вид из окна... Наверное, с той минуты меня манило в мастерскую-башню, как в заколдованное место. Все там было особенное: запах красок, лаков, растворителей, пыли.

Все было волшебным и хаотично: драпировки, книги, стремянки, выдавленные краски, «празднично» заляпанный ими пол, холсты со знакомыми и незнакомыми лицами. Какой-то дядька по прозвищу «киноварь», будто волшебник, проявлял на черной доске чудесные лики. Позднее только я узнал, что он реставратор икон. Всегда звонящий телефон, частые «нашествия» людей, среди них бывали особенные — с бородами в длинном черном платье. Я их побаивался... Разодетые добродушные дамы, говорящие на чужом языке. Я запомнил и навсегда полюбил завораживающие звуки, в которых позже узнал *Всенощную* Рахманинова. А когда все расходились, я с особым удовольствием собирал воск от свечей, растекшихся по деревянному некрашеному столу. Столешница была мне где-то до подбородка...

Потом я пошел в школу. Как все, носил пионерский галстук, учил

стишки про Ленина. Но из окна отцовской мастерской демонстрация трудящихся на Калининском проспекте уже выглядела нереальной мистификацией, особенно под *Всенощную* Рахманинова или под пение Марии Каллас. За это я уже тогда был благодарен отцу.

Моя мама, такая красивая, добрая, вечно разрывающаяся между бесконечными гостями, делами, отцом, успевала, склоняясь за ампирным столом, рисовать эскизы костюмов к опере в Большом театре. Дева Феврония, князь Игорь... В детстве я часто болел и, лежа в кровати, ждал, когда она освободится, и в коридоре зазвенят браслеты на ее руке. Значит, она идет ко мне рассказывать сказки о крылатых пэри в персидских пустынях. Мама любила ходить со мной в Исторический музей. Она показывала мне, мальчишке, кольчуги, сабли. Волнение, замирание сердца от воздействия старины — это все впервые я почувствовал с ней. До сих пор люблю оперу. *Борис Годунов*, *Град Китеж*. Все это впервые было с мамой.

Однажды родители приставили ко мне странного человека, которого я сначала невзлюбил. Это был некий Василий Александрович. До сих пор не знаю, кто он был, но очень часто

С отцом, Ильей Сергеевичем Глазуновым

вспоминаю его. С благословения матери он возил меня на раннюю службу в Троице-Сергиеву лавру. Зимой, рано утром, еще в темноте, мы шли на электричку по морозу. Я помню, он был в одном пиджаке и шарфе. Василий Александрович сводил меня к старообрядцам в Покровскую церковь на Рогожском кладбище. Этот поход до сих пор пронзительно отзывается у меня в душе. Вернувшись

Венеция. 2006

«Распни его!» 1994

оттуда, я даже не нашел слов, чтобы рассказать матери. Это было похоже на сон, который я уже видел.

И теперь я путешествую по городам и музеям, но уже со своими детьми. Им интересно, как мне когда-то. Моя дочь Оля рисует эскизы костюмов к домашним спектаклям, сидя у меня в мастерской. И я благодарен за это моим родителям. У меня часто спрашивают: «Расскажите, трудно ли быть сыном великого художника?». Я отвечаю: «Легко!». Счастье, когда с детства рядом близкий человек, отец, который ответит на все твои вопросы. Вопросов было много. Я учился в художественной школе. Тогда учили на пейзаже писать церковь без креста, не изображать винных бутылок в натюрмортах и так далее. Однажды на практике в Мурманске меня поразило, как преподаватель СХШ заставлял убрать из пейзажа, на котором был изображен порт, кресты с флагов, развевающихся над норвежским кораблем. Вот не было бы у меня такого отца — с той степенью свободы, которая была присуща ему всегда, кто бы мне это объяснил? Его цельный мир, сложившийся вопреки всем ударам, которые наносила ему жизнь, внутренний стержень, негибаемый никакой властью, огромный пласт культуры, доставшийся от родителей и предков, пережитый и переосмысленный им самим с детства, были той броней, которая помогла мне найти свою дорогу. Сейчас я сам отец, и знаю, как это трудно — сохранить детям тот мир, свой собственный, который защитит их от мутного потока глянцевої пошлости, тупости массовой культуры, от которой становятся усредненными потребителями.

Я учился у родителей дома, в мастерской отца, в собранной им библиотеке, потом в Суриковском институте, где отец был руководителем мастерской портрета, в музеях, которые научила меня любить мама. И хочу еще учиться долго.

Чем старше я, тем больше моя благодарность и любовь к отцу и матери.

Есть на земле места, которые особенным образом затрагивают, волнуют душу человека. Для меня таким местом стал Русский Север. Северная природа, пейзаж, незабываемые встречи с людьми помогают мне понять, почувствовать смысл трагических противоречий нашей жизни. Именно там у меня впервые обострилась жажда понимания истории моей Родины. Впервые оказавшись в тех краях в свои 22 года, будучи студентом Суриковского института, я нашел

целый мир, к которому подсознательно стремился. Отголоски этого мира я с детства слышал в музыке русских композиторов, он дышал в сказках. Этот мир волновал столько людей, что трудно перечислить, вдохновлял Лескова, Мельникова-Печерского, Билибина, Мусоргского... Иван Яковлевич Билибин в журнале «Мир искусства» за 1904 год после поездки по Северной Двине с болью пишет: «Несомненно, что русское народное творчество умирает, почти умерло. Струя новой жизни сметает его, и только кое-где в глуши тлеют его последние, гаснущие искры». Через сто лет, а это целый век, я поехал тем

же маршрутом. Что бы сказал Билибин сейчас? Пустые деревни, брошенные поруганные церкви, заросшие крапивой погосты, где лежат в полном забвении люди, которых видел Билибин. Думаю, он не мог предположить, что так все обернется. Столько страданий, смертей и разрушений было за эти сто лет. Эта тема всплывала в каждом разговоре с «местными», если мы говорили более 10 минут. Я жил месяцами в глухих деревнях, никогда не чувствуя себя

Прокопий Устюжский. 1998 ➤

Этюд к картине Лес. 2004

Первый снег на Двине. 2005

туристом. Ездил я без машины, с огромным рюкзаком за спиной, даже не брал с собой поначалу этюдника, так как это не Золотое кольцо и там ничего сувенирного нет, и чтобы человек тебе открылся, а не «позировал», надо было, чтобы тебе тоже поверили, «пустили». Там невозможно себя за кого-то выдать или притвориться. Это настоящая русская деревня с вековыми традициями, где все друг другу родственники, там нет пришлых, даже переселенных когда-то. И чтобы понять хоть что-то, невозможно появиться у этих людей заезжим студентом-практикантом. Я полюбил эти места и, надеюсь, почувствовал их. Страшно, что мы можем потерять все это. Ведь эти места уже последние, умирающие русские деревни. Мы просто потеряем всякую связь с живой традицией, с прекрасным образным русским языком. Интересно, что уже сейчас, слыша живую северную речь на видео, привезенном мною оттуда, многие знакомые говорят, что надо бы дать подстрочный перевод. Им непонятно!!! Иосиф Бродский провел два года в архангельской глуши, находясь в ссылке. Я люблю стихи Бунина и Набокова о России, но замечательно, что даже в его, Бродского, воспоминаниях об этом времени сквозит необыкновенная теплота от встреч с крестьянами той деревни, где он жил. В 64-м году его восхитило и потрясло, что в их речи звучит столько старинных русских слов.

Я сам доставал из окованных сундуков кокошники и сарафаны. Каждый волен любить что хочет, но жаль, что, увлекаясь китайскими вазами или революционным фарфором, мы забываем о драгоценном, родном, что еще можно спасти, в лучшем случае подменяем все это лубком и самодеятельностью, а ведь потом будет поздно...

Много раз слышал я фразы: «нехитрый русский пейзаж», «скудная красота русской природы». Но что же происходит с человеком, родив-

С Александрой Филипповной. 2004

шимся в центре Москвы на Новом Арбате? Как объяснить, что этот «нехитрый» пейзаж переворачивает меня с такой силой, что трудно дышать, будто попадаешь из долгой эмиграции на долгожданную любимую Родину, которая вернет ощущения детства, запахи, вылечит, обновит, напомним тебе тебя же самого, только лучшего, «детского»...

Мне важно в своих работах передать шум дождя, что барабанит по деревянной крыше замшелого дома, завывание ветра в осенних сумерках за окном, влажность и свежесть утреннего тумана с реки...

В пейзаже всего не вместить, но я хочу, чтобы зритель услышал первых птиц на рассвете в июне после белой ночи, хочу добиться того, чтобы смотрящий на него по одной детали вспомнил многое из того, что волнует меня, и чтобы он, как и я, подумал: «Вот оно, мое». Ведь, много насмотревшись, испытав за жизнь, однажды нам открывается, что все прекрасное, вся красота мира вошла в нас, когда душа ребенка вместе с вечной природой проживала свои первые зимы, весны, грозы и снега... Потому ведь так и щемит сердце,

Мавлина. Этюд. 1999

глядя на не тронутую «благами» цивилизации природу. И потому я так люблю пейзаж как жанр живописи.

Мой знаменитый родственник Александр Николаевич Бенуа начинает свою книгу воспоминаний с признания, что он не узнал любви к России, родившись в России, не имеет к ней интереса и любит только Петербург. А всему виной, пишет он, то, что в крови его замешалось несколько родин: Франция, Неметчина, Италия. Никто этих кровей во мне не отменял, но, в каком-то смысле, мне повезло больше, чем прекрасному

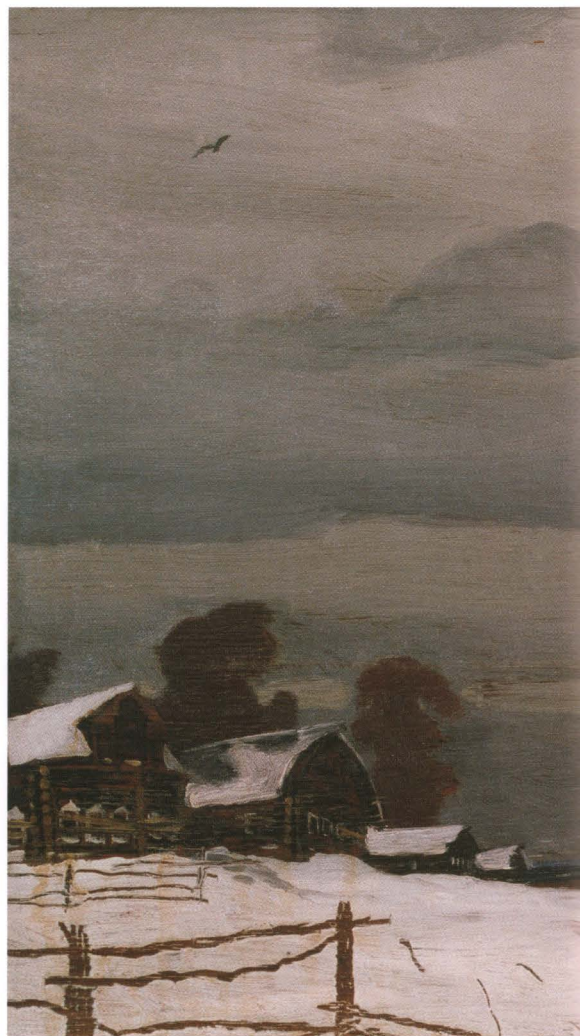
Брошенный дом. 1999

знатоку искусства и художнику Александру Бенуа; так, среди моих предков есть, к примеру, еще и крестьяне ростовского уезда, иконописцы Глазуновы. Мне досталось много чувств и к России, и к Европе, и к Италии...

Я люблю Венецию. В ней чувствую безопасность от напора стекла, бетона, рекламных щитов. Какая прекрасная смесь Византии и барокко! Кони святого Марка рвутся в будущее из античной древности, а зеленые воды, мутные, как венецианские зеркала, не желают отражать времени. В этом прекрасном городе не способны даже подать слабый голос ненавистные мне манифесты малевичей, татлиных, корбюзье об отмене культуры «старого» мира.

Венецианка Камилла Кавос, мать братьев Бенуа, умерла в Петербурге. Ее семья (мои старинные родственники) жили в Венеции 300 лет. По тем же улицам в то же время ходили Тициан, Вивальди, Гоцци, Тьеполло. Люблю искать очертания Сан Марко в утреннем тумане, подплывая к славянской набережной на Vaporetto утром. Мне нравится извечный ритуал утренней прогулки по рыбному рынку, православие в барокко S. Giorgio del Greci и лежащие каменные рыцари в сумрачном великолепии католической готики Frari. Крысят, спасающиеся от Aqua Alte, бегут под ногами торговцев у моста Realto. А взгляд Богородицы из мозаичной

апсиды церкви Santi Maria Donate, прекрасной, как беневентинские песнопения, проходит сквозь плотность времен. В Венеции никогда не хватает времени. Она кружит и путает. И уже вечером манит темными окнами Ciudeccia или дразнит мерцающая роскошная люстра, висящая под деревянными балками потолка, взятая в раму окна темнеющего фасада спящего palazzo.

У меня есть три точки на земле, где мне особенно легко дышится. Это лес с чудскими курганами на Пинеге в глубинке Архангельской области, галерея Дворца дождей с видом на лагуну и окно в теремном дворце Московского Кремля, через цветные стекла которого туманно видны древние стены кремлевских соборов. Надо сказать, что любое место на свете, будь то Крым, Италия или пустыня Иудейская, волнует меня своей

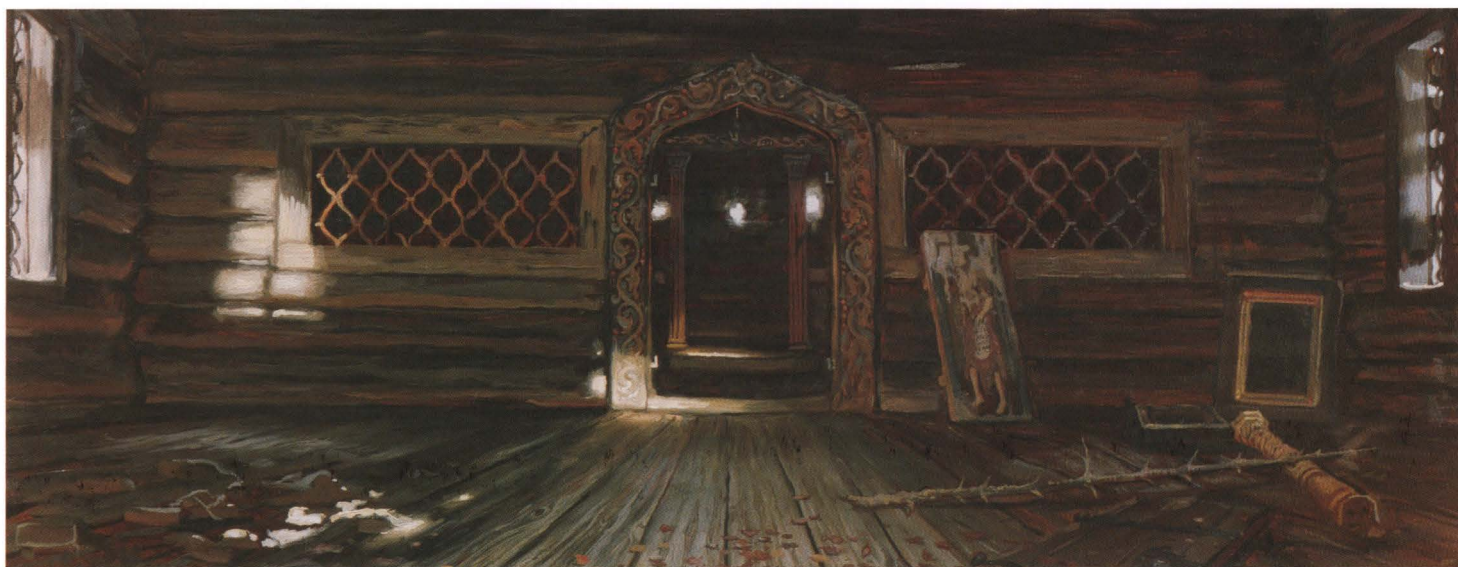
историей. И если я пишу пейзаж на Крите с морем и горами, то думаю о Кносском дворце, вспоминая мифы о Минотавре или легенды об Икаре.

В век цифровых технологий нет трудностей для путешественника в за-

печатлении увиденного. Для многих художников работа с фотографией стала привычным делом. Я тоже в поездки беру фотоаппарат, через годы можно вспомнить, что видел, но ни разу фотография не дала мне

Цивозеро. Русский Север. 1999

Церковь в Едоме. 1999

Ледоход на Сухоне. 2000

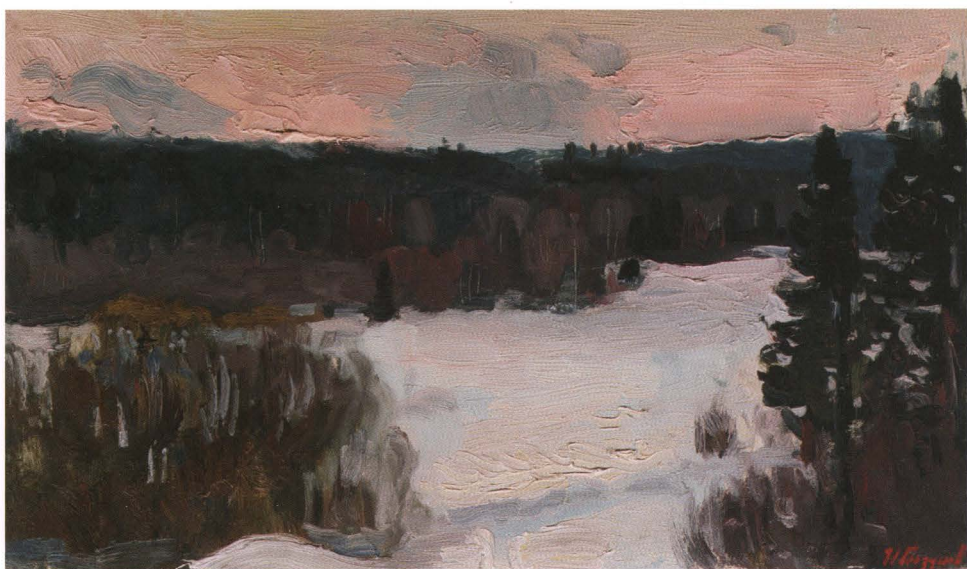
никакого мотива, никакого импульса для того, чтобы местность стала пейзажем. Мне казалось, что нет сложностей с зафиксированного стоп-кадра воссоздать на холсте пейзаж с воздухом, настроением, но никогда не получалось у меня того, что казалось так просто. Без этюда с натуры у меня жизни на холсте не получается. Потому я всегда путешествую с этюдником. Этюд сам по себе бесхитростен. Задача — передать состояние всеми доступными за короткое время способами, запомнить то, что вижу и чувствую здесь сию минуту.

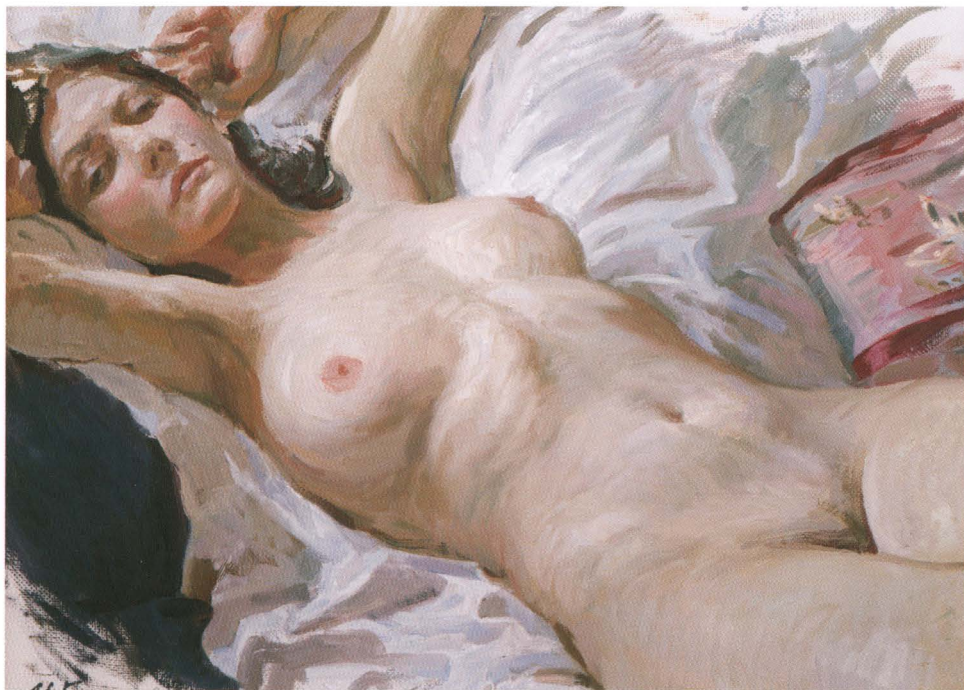
Пинежский лес. Обетный крест. 2003

Февраль. 2004

Этюд, удачен он или нет, — это память о дне жизни, когда было пережито что-то волнующее. Я не люблю и не ищу «красивых» видов.

Мне важна некая пронзительность в мотиве и созвучность этого мотива с моим душевным состоянием. Некоторые этюды в мастерской

становятся большими пейзажами, а другие хранятся как память.

Что дает мне импульс к творчеству, к работе? Лично пережитое, даже если это далекая история. Почему люди возвращаются к тому, что было с кем-то 500 или 300 лет назад? Видимо, нет остановки в развитии даже одной человеческой судьбы. Мы живем, неся в себе грехи и святость наших предков. Читая жития святых, меня поразила история жены Дмитрия Донского Евдокии, в иночестве Ефросиньи. После смерти мужа великая княгиня подверглась клевете и нападкам высшего света

Утро. 2007

Архангельское. 2000

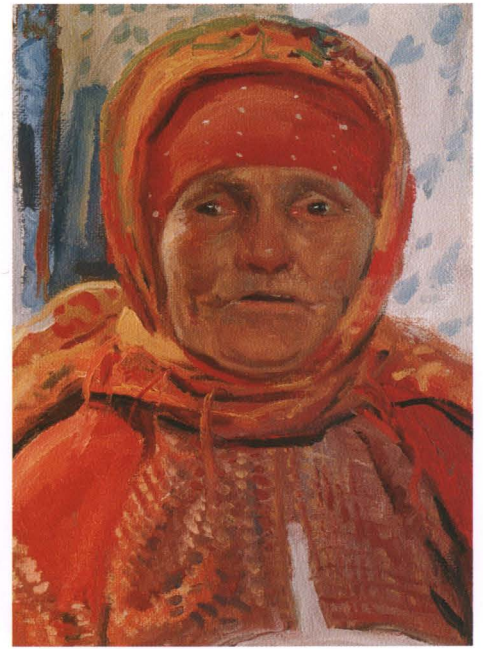

Рисунок. 2005

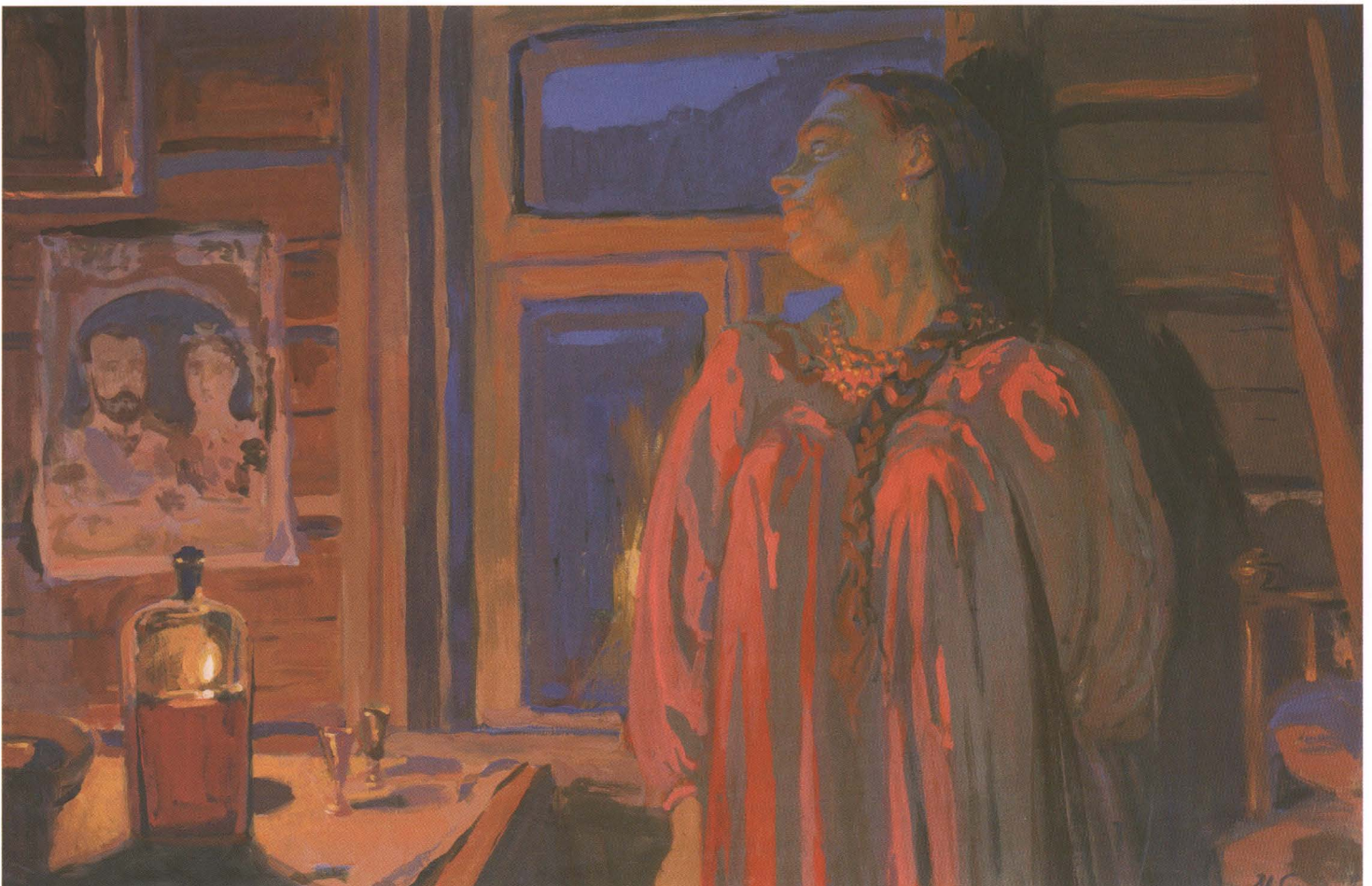
Вверху справа:
Александра Филипповна. 2002

«...И поеду в ночь морозну...» 2005

тогдашней Москвы. Ее обвиняли в злоупотреблении роскошью княжеской жизни, в тайном содержании фаворитов. Она же жила тайной жизнью, готовясь к постригу, носила вериги, скрываемые на изможденном теле под дорогими одеждами, исцеляла слепых и беседовала с архангелом Михаилом. Для меня ее образ — ключ к пониманию и загадке русской истории. Ее слова: «Только Бог знает истинные движения человеческой души» — многое дают для размышлений. Увидеть в исторической картине атмосферу эпохи для меня важнее литературной иллюстрации. Работая над исторической темой, я нахожу удовольствие от общения с предметами старины. Благодаря родителям музей или домашняя коллекция — всегда живой чудесный мир. Как пушкинской Татьяне каждый предмет в имении Онегина одновременно и рассказывал о хозяине, и утешал ее чувства, так и меня волнует в Кремле чарка или какая-ни-

будь стопа, которой касались руки царя Алексея Михайловича или той же княгини Евдокии. Эти эмоции я пытаюсь передать в своих работах. Многие художники собирали старину, ведь часто даже быт становится

В нижегородском костюме. 2006

предметом искусства. Но не только это волнует меня. Например, в любимом мною народном костюме прекрасна его поэзия. Только на поверх-

ности красота сочетаний орнаментов и колорит красок. В глубине скрыта трудно постижимая, волнующая сущность женского естества. С народного костюма можно «считать» божественный замысел о женщине. Я замечал,

что женщины, примеряющие старинный русский костюм, меняются внешне и будто преображаются внутренне.

Идея написания портрета Наташи в народном костюме возникла случайно. Красивая юная девушка,

будучи гостьей в моей мастерской, с интересом примеряла старинные народные костюмы из моей коллекции. Мне важно было сохранить, несмотря на несколько длинных сеансов позирования, самое первое впечатление от натуры. Сохранить ту за-

вороженность, которую почувствовала девушка, примерив старинный костюм. Так появилась серия портретов женщин в костюмах разных губерний России, в каждой из которых веками складывался свой особенный типаж. Мне это интересно, и такая работа

В каргопольском костюме. 2006

продолжается. Наташа позировала в нижегородском старообрядческом костюме, так полюбившемся Нестерову, и сама будто стала героиней Мельникова-Печерского.

В олонетском костюме. 2007

Подарком свыше считаю для себя встречи с людьми, в чертах которых естественно отразились и благородство, и пережитые страдания,

и даже сама история. Неслучайная встреча – Александра Филипповна, тот самый подарок, посланный мне на Севере. Впоследствии, ставшая будто близкой родственницей, эта женщина встретила нас с женой

в далекой глухой деревне, когда мы, путешествуя, искали поздним вечером ночлег. Она была первым человеком, которого мы встретили, перейдя ту условную «границу», после которой понимаешь, сколько

Берега. 2002

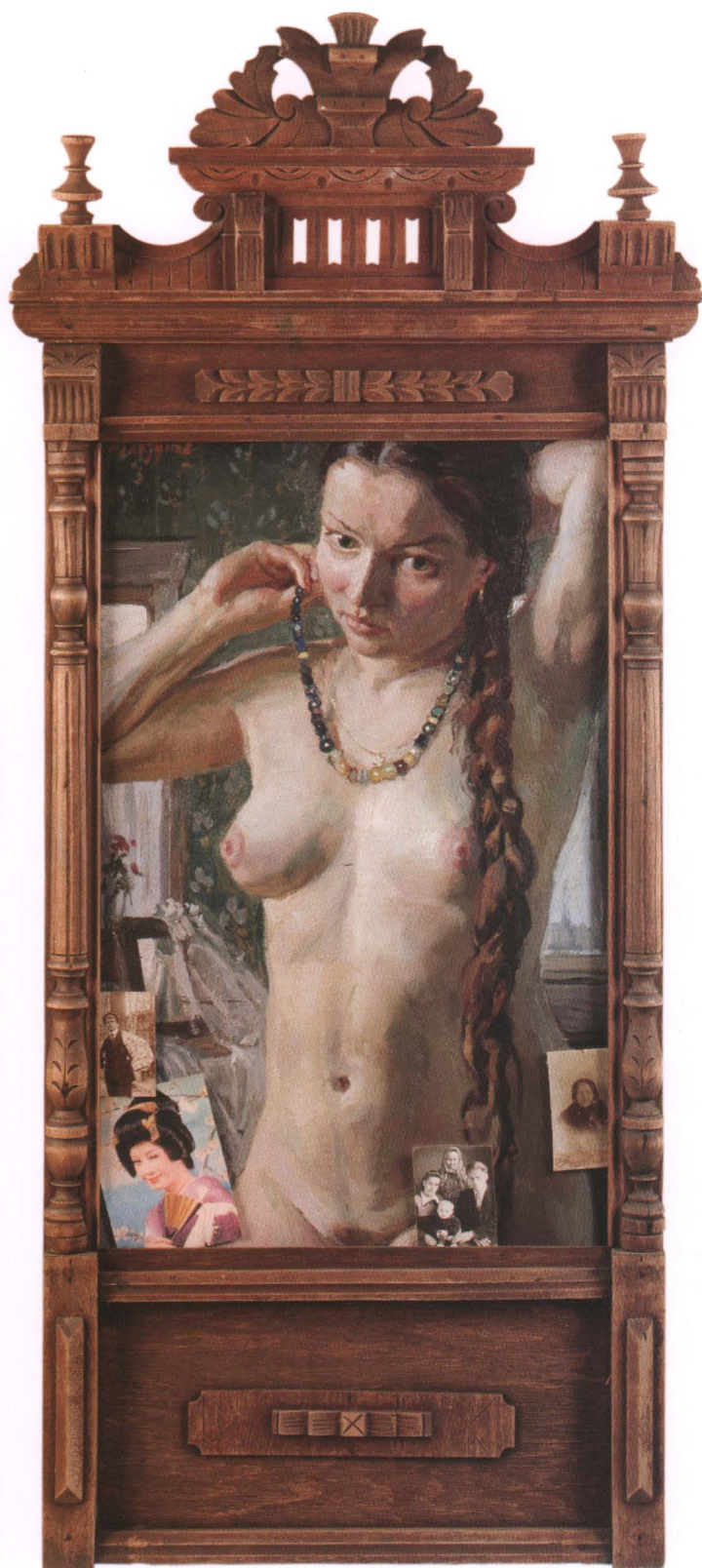
Деревня Ефимово на Пинеге. Этюд. 2004

Панорама Великого Устюга. 2005

Зеркало. 2005

Сумерки на Уфтыге. 1998

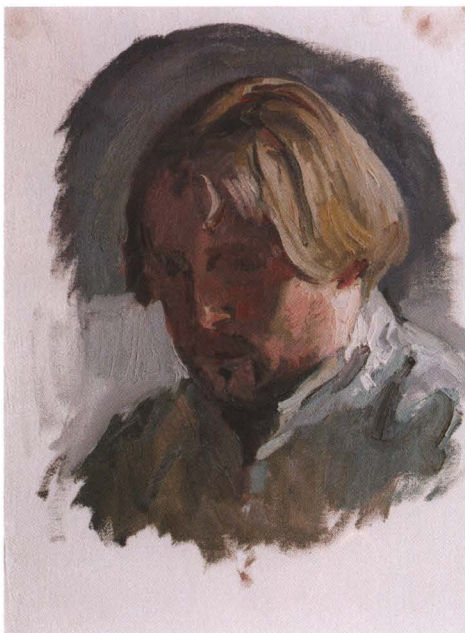
Рисунок к картине
Великая княгиня Евдокия... 2005

◀ Великая княгиня Евдокия
в подтверждение своей благочестивой
жизни открывает перед сыновьями
свое изможденное постом тело. 2005

На с. 26–27:
Пермогорский берег Двины. 1996

Саввино-Сторожевский монастырь. 2002 ➤

Этюд к картине
Великая княгиня Евдокия... 2005

существует параллельных миров
в нашей большой стране. Алекса-
ндра Филипповна разделила судьбу
всех северных жителей, потомков
тех новгородцев, которые на своих
ушкуях пробирались в самые глухие
уголки северных земель. На ее гла-
зах рушили церкви и перекраивали
общинный устой на колхозный. Бы-
ли голод, умершие дети, ушедший
под лед с лошастью муж, вернувший-
ся с войны без ноги, женский лес-

повал... Однажды под вой печной
трубы на фоне темнеющего дождли-
вого окна мы увидели сидящую в ста-
ринной домотканой рубахе Филип-
повну. В тот вечер она подарила
нам много песен, и среди них один
духовный стих про идущую с горы
на гору Богородицу, воспоминав-
шую сон о мучениях Христа. Пора-
зило, что этот стих был рассказан не
как фольклорная редкость, это была
история, апокриф, почти молитва,

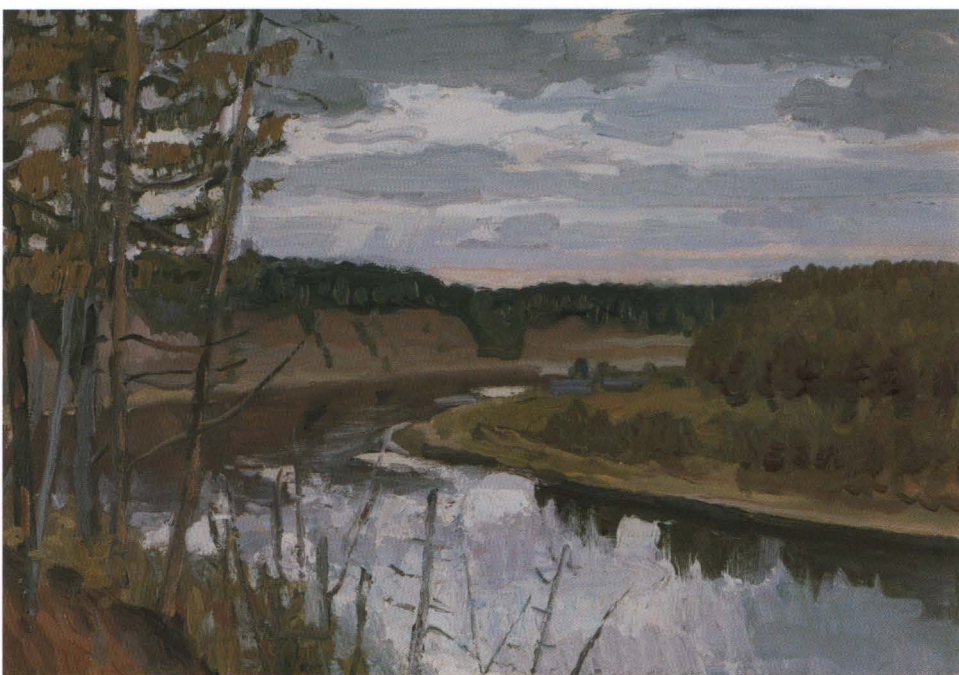

пересказываемая древним, но живым языком. Наверное, его рассказывают на Севере не меньше 500 лет. А теперь в Москву на наш адрес приходят посылки с сухими грибами, се-

верной клюквой и вложенными письмами, написанными старательным, будто детским, почерком: «Здравствуйте добрые люди Иван Ильич и Юлия и все ваши деточки. С при-

Васильевские врата в Александрове. 2004

ветом пишет известная вам Александра Филипповна. Сейгод черемухи очень много и рябины тоже...»

В истории искусства мы знаем много примеров прекрасно выполненных заказных портретов, ставших шедеврами. Но особыми жемчужинами в череде портретной живописи являются портреты, исполненные по велению души самого художника. Порой мы не знаем, кто изображен; то ли друзья, то ли просто случайный образ, вдохновивший художника на творчество. Притягательны женские образы у Вермеера или безымянные суровые современники Марони. Какой чудесный портрет портного у него! А сколько трогательных и вместе с тем серьезно-величавых лиц,

Сухона. Этюд. 2005

обрамленных то жемчужным шишаком, то «скобкой» — прической — на провинциальных русских портретах неизвестных художников. Список можно продолжать, и все объединяет отсутствие излишнего пафоса и интимность, которую трудно найти в заказных портретах. Там есть желание как будто остановить те дни, даже минуты, когда художник, его творческие и душевные силы наиболее восприимчивы к образу портретируемого. Такие портреты рождают у смотрящего желание узнать тайну предыстории написания портрета, но никакие архивные изыскания не заменят той возможности общения с изображенным человеком, мысленной прогулки в тот век, в тот дом... Они даже способны доносить те запахи и звуки, среди которых живет остановленный во времени художником целый мир. Поэтому, когда я работаю даже на заказ, то важно, чтобы заказчик

Пинежская деревня. Этюд
2002

Врата Успенского собора Ростова Великого
2004

Ожидание. 2004

Северный вечер. Этюд. 1999

доверял мне как художнику, тогда есть возможность попробовать в своих работах приблизиться к этой тайне. Важно также, чтобы человек на портрете был не просто фотографически похож на себя чертами. Я считаю для себя удачей, если мое видение человека совпадает с только ему присущей характерностью.

Незавершенность состояния женщины, ожидающей рождения ребенка, захотелось вынести в портрете жены в умышленно этюдной незавершенности и недосказанности.

Ожидание и то особенное, главное у женщины ощущение тайны жизни и причастности к этой тайне направляет все ее мысли внутрь. Еще несколько минут, и жаркий летний день угаснет, подарив прохладу и отдых.

Как изобразить ребенка в непосредственном душевном импульсе, движении, написать без сантиментов

Вечернее солнце. 2005

Нелегко остаться один на один с натурой и в короткий срок передать ее на холсте, не потеряв общей атмосферы «минуты». Коровин учил видеть «бычьим взглядом», не фокусируясь на частностях. Работая над этим портретом, я пробовал так увидеть.

Как я ни старался, не смог полюбить «жанровой» живописи. Также я не понимаю натурализма — это убийца искусства, и у него нет будущего. Натурализма никогда не было в традициях высокой русской культуры: ни в иконе, ни в поэзии, ни в музыке. Но последовательный ход развития русского искусства и все лучшее, что в нем было, будь то автор *Слова о полку Игореве*, Пушкин, икона, Рахманинов или Станиславский, — это реализм, достигший символа, знака. Стиль — единство средств, которыми выражена идея.

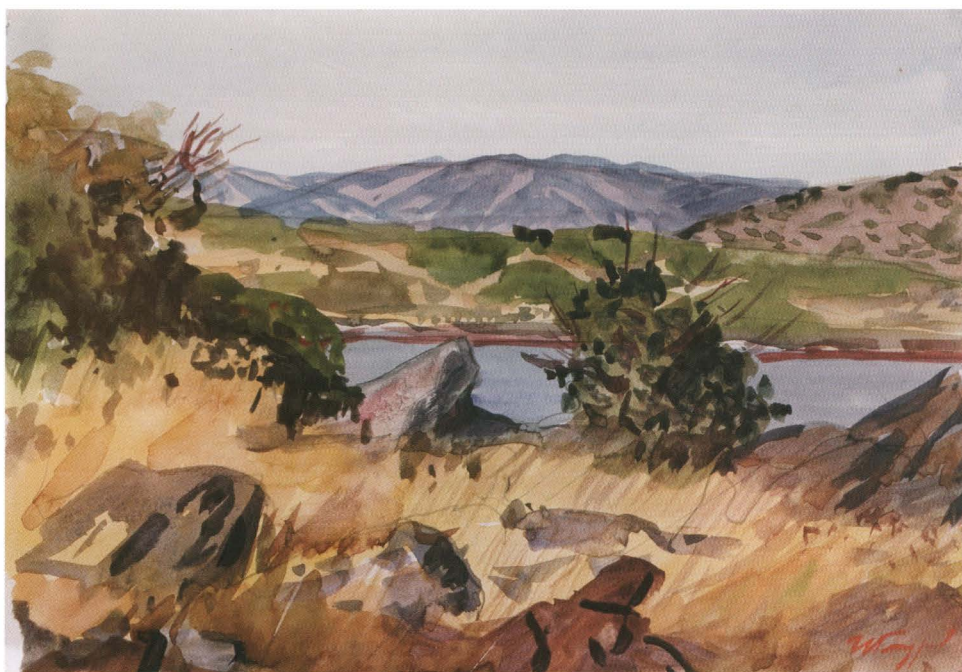
Историческое полотно создается, если художественное воображение будет захвачено не костюмированными коллизиями из жизни известных исторических лиц, не злободневностью темы, не переключкой времен, а, быть может, бессознательной связью художника с богатством

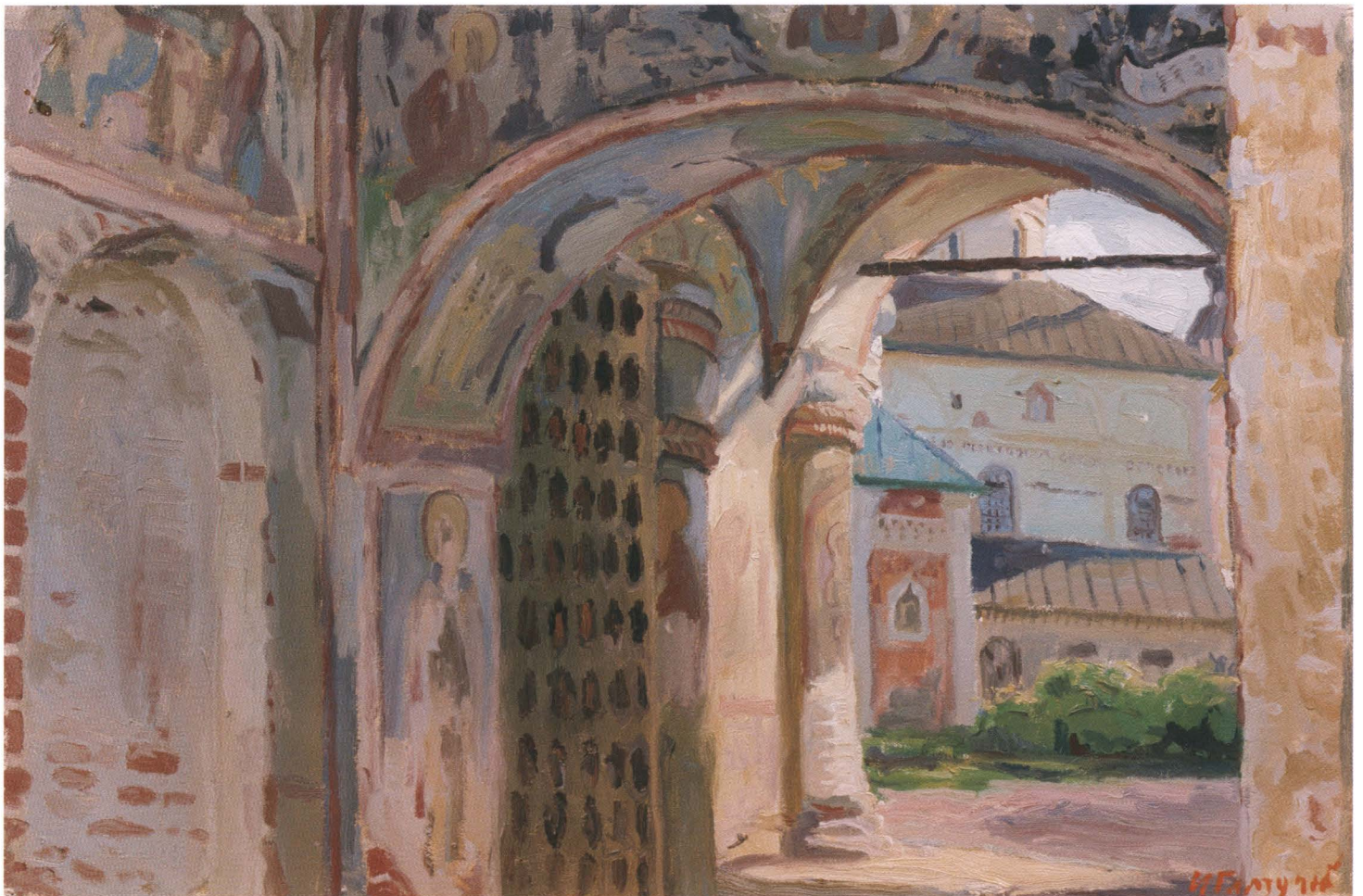
и «сусальности»? Взрослый человек виднее и понятнее. В нем законченно сформированы черты лица. Есть четко сложившаяся манера поведения, ярче характерность, виднее личность. Ребенок же, в его нежном возрасте, — трудная модель для художника. Сложно поймать поворот, в котором он больше на себя похож. В портрете дочки Оли хотелось передать красоту тонального пятна, гармонию соотношения холста и как бы утопленного в нем интерьера, на фоне которого дневной свет лепит нежное лицо дочери. Хотелось также отказаться от фронтального и бокового освещения, написать в контражуре. Передать атмосферу летнего дня на даче, когда открыты двери и окна, когда сидишь в комнате и слышишь детские шаги босых ног по теплему полу. Это та самая драгоценная минута, когда маленькая дочка пришла поговорить «как взрослая» о пойманном кузнечике.

В семейном портрете мне хотелось остановить «подсмотренный» момент из жизни, где мои близкие

заняты привычным делом. Дети слушают музыку, примеряя народные костюмы из домашней коллекции. Меня впечатлил боковой дневной свет из окна. Хотелось, не выписывая мелких деталей, добиться живописных обобщений целого. Я поставил себе задачу написать с натуры.

Остров Крит. 1998

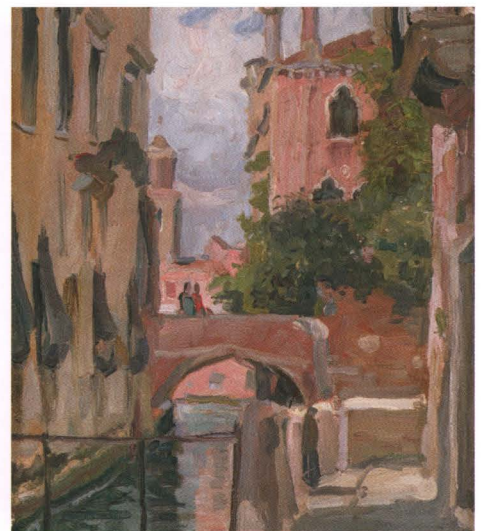
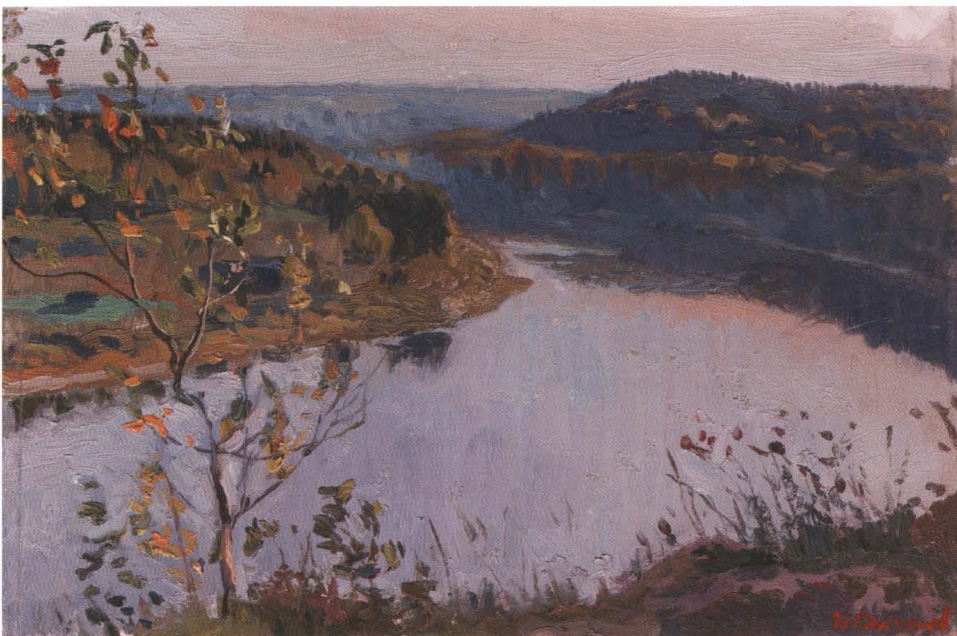
Кирилло-Белозерский монастырь. Этюд
2001

Внизу справа:
Венеция. Этюд. 2006

Осень на Сухоне. Этюд. 2006

духовного мира и эстетической красотой эпохи. Конечно, нет плохих тем, есть неудачные решения, но я не воспринимаю историю как кодекс нравучений. Мне близки слова Лермонтова:

*Люблю отчизну я,
но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия
покой,
Ни темной старины
заветные преданья*

*Не шевелят во мне отрадного
мечтанья.*

Но эти слова касаются лишь, как мне кажется, бытовой истории. Мы связаны исторически, мистически и даже родственно с ее героями — от былинных богатырей до святых подвижников нашей земли. Как бывает в жизни каждого, случайно оброненная фраза, запах, песня всколыхнут в сердце целый пласт воспоминаний о детстве, об ушедших близких, так и живопись способна воздействовать на душу. Потому-то саврасовские *Грачи* намного в большей степени русская историческая живопись, чем огромная батальная картина Брюллова *Оборона Пскова*. Я считаю, нет и не должно быть отдельного жанра «историческая живопись». Это похоже на конъюнктуру или прикладное творчество. Талант в человеке — тайна, но искренность его, художника, намерений и переживаний дает ему право взять себе героем, к примеру, Сергия Радонежского. И если в итоге у зрителя рождается то щемящее чувство сопричастности, даже соавторства, — значит получилось.

Несмотря на бесконечные разрушения, пожары и революции, нам осталось гигантское наследие «церковного» искусства, до сих пор не до конца исследованного искусствоведа-

Северный лес. Этюд. 2003

Сумерки на Двине. 2005

ми, историками, художниками. У нас была и византийская живопись, и академические религиозные картины, и яркие ярославские фрески, и строгий, почти протестантский декор петербургских храмов, и крестьянский трогательный наив, и гений Рублева... Оборвалось это на изысканном и «болезненном» русском модерне. С чем же остается современный религиозный художник? Со всем этим богат-

ством, которое он может и не может в полноте воспринять. Он остается еще и с самим собой. У нас нет прямо идущей преемственности, школы, как это было веками в мастерских Оружейной палаты, в Палехе, да и, пожалуй, в Императорской Академии. Я для себя на сегодняшний день остановился на том, что в церковной живописи мне интересно заниматься не стилизациями, синтезированием,

Семейный портрет. 2003

а ставить себе задачу так, чтобы не нарушить стилистического настроения школы, чтобы живопись и убранство храма соответствовали истории места, где идет работа, чтобы они не несли «вкусщины», а прижились бы там, не диссонировав с местом и пространством, а будто бы исторически они должны там быть. Часто это

не только вновь построенный храм, но и восстановленный из разрухи, где стены требуют ответственности. В каждую эпоху менялись каноны. Взгляд художника подчинялся правилам своего времени. Было бы ужасно смешать стили и вывести некий современный свод правил, якобы имеющий право утверждаться сегодня. Но неправильно думать, что при соблюдении всех канонов (а информации в наше время сколько хочешь) достаточно лишь повторять. Это тоже мертворожденное дело. В этом сложность. Я вижу смысл в том, чтобы художник, имеющий чутье, любящий и постоянно изучающий вопрос, стремился к импровизации. И все разговоры, что нужно иметь свой почерк, свой стиль, заканчиваются, когда дело доходит до стены. Быть может, свой почерк и выработается когда-то, но это будет плод той самой импровизации и новый взгляд духовно выросшего художника, а поскольку это духовная живопись, то будет или не будет — дано свыше.

Первым моим опытом со стеной росписью была работа в храме Вознесения Господня «Малого» на Большой Никитской.

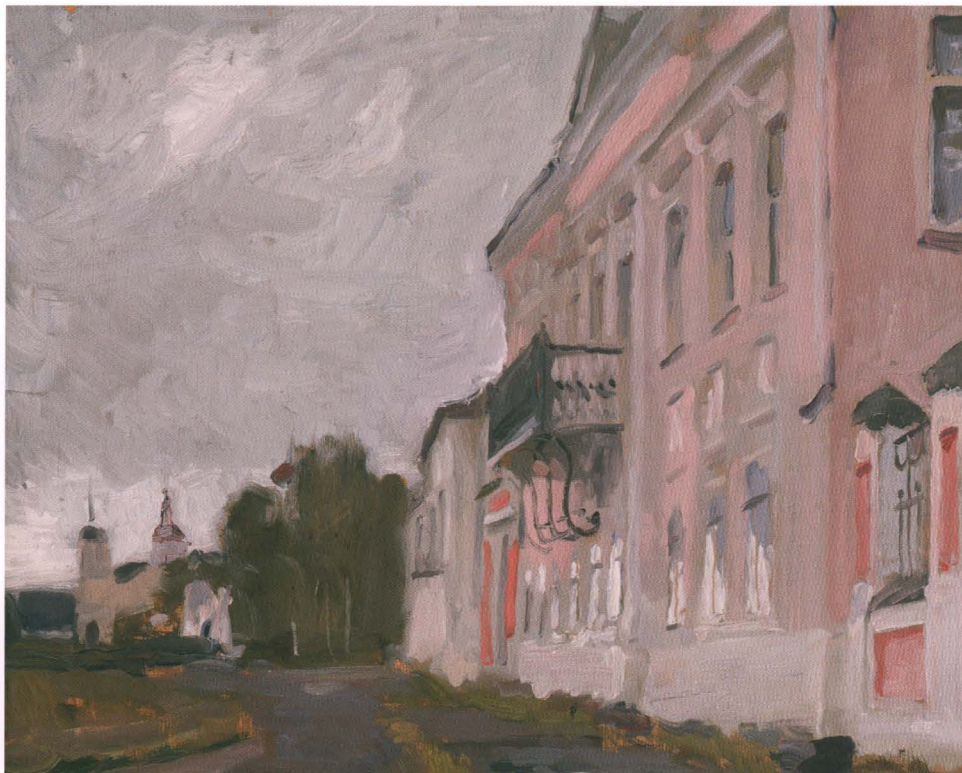
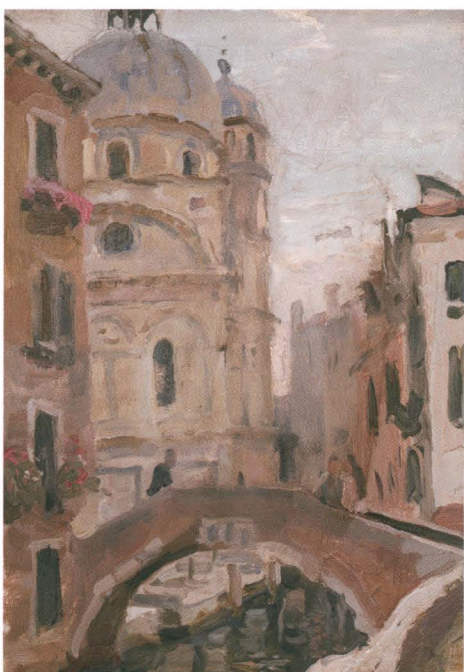
Площадь Сан Джованни и Паоло. 2006

В 1580-е годы повелением царя Федора Иоанновича «на Москве, близ Никитских ворот возводится каменный храм во имя Вознесения Господня, с приделами Усекновения главы Иоанна Предтечи и Прокопия Праведного Устюжского Чудотворца». Здесь и до того времени вблизи Кремля, среди белокаменных палат родовитых московских бояр располагалось подворье нов-

городских купцов и устюжан, за разными надобностями являвшихся в Москву. Наверное, здесь бывали устюжские изографы — знаменитые мастера «мелочного» и «травного» письма, мастера устюжской финифти, серебряники...

Розовый дом в Устюге. Этюд. 2006

Венеция. Этюд. 2006

Крым под Севастополем. Этюд. 2003

Крымские кипарисы. Этюд. 2003

Остров Крит. 1998

Олечка. 2002 ➤

В Великом Устюге в это время расцвет ремесел, большое строительство. Через Устюг проходят торговые английские дощаники и насады, держа путь в Вологду и Ярославль. И к XVII веку здесь, в Устюге, уже более ста лет почитают пришедшего от не-

мецкой земли купца, бросившего все свое богатство в Новгороде, постриженного хутынского монастыря, ходившего в одной рубахе летом и зимой, в сапогах без подошв, не выпускавшего из рук три кочерги, спасавшегося от мороза со стаей со-

Волки. 2004

бак в брошенной часовне, — великого чудотворца, первого русского юродивого Прокопия Праведного. «Блаженный Прокопий в зиме и в лете во единой разодранной ризе ходяще и во единых (сапозех) ходя по вся нощи ко святым Божиим церквам. Приходя же блаженный Прокопий часто на берег Сухоны реки сидяще на камени и зряще очима своима на ездящих человек в малых ладийцах и о них молящеся Богу...»

И в наши дни Великий Устюг — это не только закрытый речной вокзал, вотчина Деда Мороза и три сувенирных магазина. Устюг — это живой русский город, по воле и по неволе хранящий следы старины, не изменивший своей древней расположенности на берегах реки Сухоны. Белые ночи, туманы, расплывчатое, в очертаниях облаков, искрящееся, как слюдяные узоры на устюжских

Осень. Эпюд. 2006

сундуках, — особенное северное небо. Стоишь у Прокопьевского собора, и видишь одновременно на небе грозу, надвигающуюся со стороны Вятки и ровное жаркое марево над Двиной... А в соборе мерцает старинным, как в Венеции, запыленным золотом мощный иконостас. В белую ночь на противоположном берегу реки Гледенский монастырь виднеется на холме, будто на острове среди моря-леса. Он отражает негаснущее небо, и в эти минуты может показаться, что видишь вдалеке устюжское войско, уходящее на Куликово поле, или лагерь Дмитрия Шемяки под стенами Гледня. Всеволод Большое Гнездо устраивал здесь соколиные охоты... Все те же несущиеся тучи с Двины, все та же вьюга замечает следы на замерзшей реке, все тот же камень Прокопия у собора...

Я с детства ходил по Никитской улице — рос в соседнем Калашном переулке. Помню закрытую церковь напротив консерватории. На моих

глазах церковь Вознесения «Малого» была восстановлена из руин стараниями протоиерея Геннадия Огрызкова — архитектора по образованию.

Избы. Этуд. 1996

Весна в окрестностях Устюга. 2004

Ночь. 2005

Окно в усадьбе Архангельское. 2001

Каждый человек, знавший отца Геннадия при жизни, расскажет о важном следе, оставленном батюшкой в его душе. Здесь я крестил троих своих детей. С приходом этой церкви связана моя жизнь. И сейчас я продолжаю работу над росписью храма.

Я построил в Устюге дом, но не имею возможности бывать там так часто, как мне хотелось бы. Но в приделе Прокопия Устюжского на Никитской, единственном в Москве, я чувствую, что двинские берега не так уж далеко.

Я преподаю в Академии живописи, ваяния и зодчества. У моих студентов есть летняя практика, и из-за моего желания «заразить» их любовью к Русскому Северу они часто проводят практику в городе Великий Устюг.

Редко кто читает текст в альбомах по живописи. Жанр книги располагает все-таки к беглому рассматриванию картинок. Я и сам редко читаю текст в таких альбомах, но с теми, кто заставил себя прочесть все до конца, хочу поделиться одним впечатлением. Лет 15 назад я бродил по Северу с рюкзаком и картой Архангельской области. Забрел в деревню, отмеченную на карте как «нежил». Там деревянная цер-

ковь XVII века с расписным порталом стояла открытая, брошенная. У алтаря, в птичьем помете, осыпавшаяся икона — на ней остался только шаг Иоанна Предтечи. От разоренного иконостаса остался лишь резной Бог Саваоф в благословляющем жесте высоко под потолком. Был жаркий июльский день. Над бывшим сельсоветом, тоже уже заброшенном, уныло развевался грязно-розовый, в прошлом кумачовый флаг. В деревне действительно никто не жил. И вдруг из сельсовета вышел ко мне навстречу человек с лицом дружинника из *Слова о полку Игореве*, только с совершенно «залитыми» глазами. Молодой, лет двадцати. Нашлось, что выпить.

Натюрморт с античными предметами. 2005

Познакомились. И он поведал мне сокровенную мечту: «Слышь... Видел у нас там, в церкви, Орел? (Бог Саваоф благословляющий). Вот бы натянуть трос и перекинуть от Орла на ту сторону Двины, взять блок и на нем как зах...ть на ту сторону!» Прошло 15 лет, а мечту «дружинника» я не забыл. И даже в чем-то понимаю парня...

Вот бы и мне на каком-нибудь невидимом тросе пролететь от моего любимого Устюга сквозь дебри Вологодских лесов над запыленными старыми городами, где вместе с заходящим солнцем гаснут его розо-

вые всполохи в стеклах купеческих домов. К Софии Киевской, хоть и не всякая птица долетит до середины Днепра, дальше, к темнеющему Понту, Босфору, Царьграду, а там и кирпично-золотая Равенна, и мутно-купоросные воды Венеции...

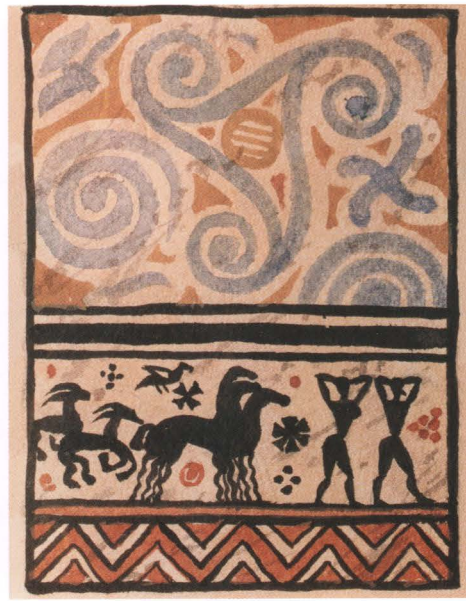
На этой оптимистической интонации, исключая всякую иронию от схожести с вручением премии «Оскар», я бы хотел выразить искреннюю благодарность своему отцу, маме за самое главное в моей жизни и за нее саму. Моей жене и детям за разделенные радости и трудности. Другам, которые много лет рядом, настоятелю и священству храма

Вознесения «Малого», моим моделям и заказчикам. Жителям деревень, пускавшим меня на ночлег.

А также составителям карт Архангельской области, студентам, отнимающим у меня много личного времени, и тому преподавателю СХШ, который учил не изображать креста на флагах норвежских кораблей в Мурманске, издательству «Белый город».

С пожеланиями личного счастья, творческих радостей и полноты жизни.

Адам и Ева в разные эпохи. Обложки для книг Ветхого Завета для издательства «Олимп». 2003

Покров Пресвятой Богородицы. 2006
Из иконостаса церкви во имя
преподобного Амвросия Оптинского,
Кировоград

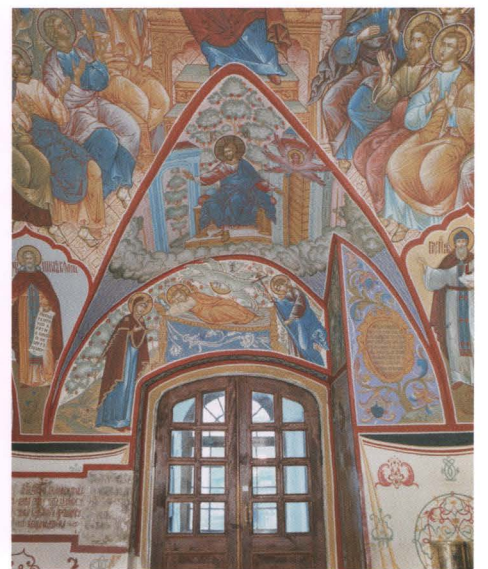
На с. 45 вверху:
Свод храма Вознесения Господня
«Малого», Москва

Архангел Михаил
Фрагмент росписи храма
Вознесения Господня «Малого», Москва

На с. 45 в центре и внизу:
Праздники
Из иконостаса храма Юлии Анкирской
под Солнечногорском

На с. 46 сверху слева:
Алтарь храма Юлии Анкирской
под Солнечногорском

На с. 46 справа, внизу слева:

Тайная вечеря,
Моление о чаше,
Предательство Иуды,
Недреманное око,
Воскресение
Фрагменты росписи храма
Вознесения Господня «Малого», Москва

Вверху справа:
Коруна Царских врат
Из храма Державной Божией Матери
на Ганиной яме, Екатеринбург

Внизу справа:
Господь Великий Архиерей
Из храма Державной Божией Матери
на Ганиной яме, Екатеринбург

Указатель произведений И.И. Глазунова

- Адам и Ева в разные эпохи. Обложки для книг
Ветхого Завета для издательства «Олимп». 2003 – 43
- Александра Филипповна. 2002 – 17
- Алтарь храма Юлии Анкирской под
Солнечногорском – 46
- Архангел Михаил. Фрагмент росписи
храма Вознесения Господня «Малого», Москва – 44
- Архангельское. 2000 – 16
- Берега. 2002 – 21
- Брошенный дом. 1999 – 12
- В каргопольском костюме. 2006 – 19
- В нижегородском костюме. 2006 – 18
- В олонецком костюме. 2007 – 20
- Васильевские врата в Александрове. 2004 – 28
- Великая княгиня Евдокия в подтверждение своей
благочестивой жизни открывает перед сыновьями
свое изможденное постом тело. 2005 – 24
- Венеция. Этюд. 2006 – 32
- Венеция. Этюд. 2006 – 35
- Весна в окрестностях Устюга. 2004 – 39
- Вечернее солнце. 2005 – 31
- Волки. 2004 – 38
- Воскресение. Фрагмент росписи храма Вознесения
Господня «Малого», Москва – 46
- Врата Успенского собора Ростова Великого. 2004 – 29
- Господь Великий Архидиакон. Из храма Державной
Божией Матери на Ганиной яме, Екатеринбург – 47
- Деревня Ефимова на Пинеге. Этюд. 2004 – 21
- Зеркало. 2005 – 23
- «...И поеду в ночь морозну...» 2005 – 17
- Избы. Этюд. 1996 – 39
- Кирилло-Белозерский монастырь. Этюд. 2001 – 32
- Коруна Царских врат. Из храма Державной
Божией Матери на Ганиной яме, Екатеринбург – 47
- Крым под Севастополем. Этюд. 2003 – 36
- Крымские кипарисы. Этюд. 2003 – 36
- Ледоход на Сухоне. 2000 – 15
- Мавлина. Этюд. 1999 – 12
- Моление о чаше. Фрагмент росписи храма Вознесения
Господня «Малого», Москва – 46
- Натюрморт с античными предметами. 2005 – 42
- Недреманное око. Фрагмент росписи храма Вознесения
Господня «Малого», Москва – 46
- Ночь. 2005 – 41
- Ожидание. 2004 – 30
- Окно в усадьбе Архангельское. 2001 – 40
- Олечка. 2002 – 37
- Осень на Сухоне. Этюд. 2006 – 32
- Осень. Этюд. 2006 – 38
- Остров Крит. 1998 – 31
- Остров Крит. 1998 – 36
- Панорама Великого Устюга. 2005 – 21
- Первый снег на Двине. 2005 – 10–11
- Пермогорский берег Двины. 1996 – 26–27
- Пинежская деревня. Этюд. 2002 – 29
- Пинежский лес. Обетный крест. 2003 – 14
- Площадь Сан Джованни и Паоло. 2006 – 35
- Покров Пресвятой Богородицы. 2006.
Из иконостаса церкви во имя преподобного
Амвросия Оптинского, Кировоград – 44
- Праздники. Из иконостаса храма Юлии Анкирской
под Солнечногорском – 45
- Предательство Иуды. Фрагмент росписи храма
Вознесения Господня «Малого», Москва – 46
- Прокопий Устюжский. 1998 – 9
- «Распи его!» 1994 – 6–7
- Рисунок к картине Великая княгиня Евдокия...
2005 – 25
- Рисунок. 2005 – 17
- Розовый дом в Устюге. Этюд. 2006 – 35
- Саввино-Сторожевский монастырь. 2002 – 25
- Свод храма Вознесения Господня «Малого»,
Москва – 45
- Северный вечер. Этюд. 1999 – 30
- Северный лес. Этюд. 2003 – 33
- Семейный портрет. 2003 – 34
- Сумерки на Двине. 2005 – 33
- Сумерки на Уфтьеге. 1998 – 22–23
- Сухона. Этюд. 2005 – 28
- Тайная вечеря. Фрагмент росписи храма Вознесения
Господня «Малого», Москва – 46
- Утро. 2007 – 16
- Февраль. 2004 – 15
- Церковь в Едоме. 1999 – 13
- Цивозеро. Русский Север. 1999 – 12–13
- Этюд к картине Великая княгиня Евдокия... 2005 – 25
- Этюд к картине Лес. 2004 – 8
- Венеция. 2006. Фотография. 2006 – 5
- Иван Глазунов. 2007. Фотография – 4
- С Александрой Филипповной. 2004. Фотография – 11
- С мамой, Ниной Виноградовой-Бенуа. Фотография – 5
- С отцом, Ильей Сергеевичем Глазуновым.
Фотография – 5

Иван Глазунов

БЕЛЫЙ ГОРОД

МОСКВА, 2008

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

Мастера живописи

- Абакумов
- Айвазовский
- Айец
- Алексеев Ф.
- Альма-Тадема
- Арсенюк
- Батони
- Белюкин А.
- Белюкин Д.
- Бёклин
- Богаевский
- Богданов-Бельский
- Больдини
- Борисов-Мусатов
- Боровиковский
- Босх
- Боттичелли
- Бритов
- Бродский
- Брюллов
- Буше
- Ван Гог
- Ван Дейк
- Васильев Ф.
- Васнецов А.
- Васнецов В.
- Ватто
- Веласкес
- Венецианов
- Верещагин В.
- Виноградов
- Волков
- Воронов
- Врубель
- Гавриляченко
- Гагарин
- Ге
- Герасимов
- Глазунов И.И.
- Глазунов И.С.
- Гоген
- Гойя
- Головин
- Горский
- Грабарь
- Грицай А.
- Давид
- Дали
- Данилевский
- Дега
- Делакрыа
- Демаков
- Дмитриевский
- Добужинский
- Доре
- Евтушенко
- Жилинский
- Жуковский С.
- Заряно
- Зверьков
- Иванов А.
- Иванов В.
- Каменев
- Караваджо
- Кауфман
- Кипренский
- Клевер
- Климт
- Корин А.
- Корзухин
- Корнеев
- Коро
- Коровин
- Крамской
- Крыжицкий
- Крымов
- Кузнецов Б.
- Кузнецов П.
- Куинджи
- Куликов И.
- Курбе
- Кустодиев
- Левитан
- Левицкий
- Леонардо да Винчи
- Лимбург
- Лоррен
- Лукьянов
- Макаров
- Маковский В.
- Максимов
- Маланенков
- Малеев
- Мане
- Машков И.Г.
- Менгс
- Микеланджело
- Мирошник
- Модильяни
- Моне
- Моризо
- Мурильо
- Неврев
- Неменский
- Нестеров
- Нестерова
- Никонов В.
- Новиков
- Ольшанский
- Орловский
- Осипова, Федоров В.
- Оссовский
- Павлова, Самсонов В.
- Перов
- Пикассо
- Пиротсман
- Писсарро
- Пластов
- Покидышев
- Поленов
- Полотнов
- Похитонов
- Присекин Н.
- Путнин
- Рафаэль
- Рембрандт
- Ремнёв
- Ренуар
- Репин
- Рерих
- Роза
- Ромадин М.
- Ромадин Н.
- Ромашко
- Рубенс
- Рылов
- Рябушкин
- Саврасов
- Салахов
- Самокиш
- Самсонов А.
- Сапунов
- Сверчков
- Сегантини
- Сезанн
- Секрет
- Семирадский
- Серебрякова
- Серов
- Сибирский В.
- Сислей
- Соломаткин
- Соломин Н.
- Сорокин
- Сотсков
- Степанов
- Стожаров
- Страхов
- Стронский
- Суриков
- Тимм
- Тициан
- Ткачевы
- Толстой Ф.
- Тропинин
- Тулуз-Лотрек
- Уотерхауз
- Утамаро
- Федоров А.
- Федотов
- Филонов
- Фрагонар
- Фридрих
- Хасьянова
- Хиросигэ
- Хokusай
- Чернецовы
- Чернышева
- Чёрный
- Шагал
- Шаньков
- Шассерио
- Шишкин
- Шпицвег
- Штейн
- Штук
- Штырно
- Щедрин
- Сильвестр
- Эль Греко
- Энгр
- Юон

